

Григорян А. А

**Воспоминание
об эвакуации во время
Второй Мировой войны**

Амалия Григорян

**Воспоминание об эвакуации во
время Второй мировой войны**

«Издательские решения»

Григорян А. А.

Воспоминание об эвакуации во время Второй мировой войны /
А. А. Григорян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850259-0

В период войны в создавшихся условиях всеобщей разрухи шла каждодневная борьба хрупких женщин за жизнь детей — будущего страны. В книге приведены воспоминания матери трех малолетних детей, сумевшей вывести их из подверженного бомбардировкам города Фролово в тыл и через многие трудности довести до послевоенного благополучного времени. Пусть рассказ об этих подлинных событиях будет своего рода данью памяти об аналогичном неимоверно тяжком труде множества безвестных матерей.

ISBN 978-5-44-850259-0

© Григорян А. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Вставка	7
Начало	9
Жизнь во Фролово	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Воспоминание об эвакуации во время Второй мировой войны

Амалия Арташесовна Григорян

© Амалия Арташесовна Григорян, 2017

ISBN 978-5-4485-0259-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А. А. Григорян

Воспоминания об эвакуации во время Второй Мировой войны. 1972

Предисловие

Воспоминания эти были написаны нашей мамой уже много лет спустя после войны, когда мы разъехались по своим местам службы, работы, учебы. Видимо, очень сильные переживания она вынуждена была тогда перенести, и глубоко они засели в ее душе, что даже через многие года она не могла их забыть. Именно эти годы ее жизни, годы войны, постоянно будоражили ее память и требовали открыться людям, рассказать им о тех трудностях, которые ей пришлось перенести.

Мы, дети, преклоняемся перед ее памятью и гордимся тем, что у нас была такая мама. Во время войны, мы, несмышлениши, не понимали остроты и сложности того периода, тех событий, которые коснулись нас. Да, мы знали – война, знали – тяжело, но глубины ее переживаний мы, конечно, не воспринимали. И только сейчас, перечитывая «Воспоминания», замечаем, чего ей стоило перенести, чтобы спасти нас! Низкий ей поклон!

Вполне возможно, что в художественном плане книга несколько проигрывает. Мама писала, как могла. Да и не стоит что-то подправлять. Это ее в о с п о м и н а н и я тех событий.

Лева, Нелли. Юра.

Вставка

«22 июля 1942 года днем немцы начали бомбить г. Фролово. Я заранее предупредила детей, чтобы, услышав тревогу, они бежали домой, ко мне. В тот день дети играли во дворе. Лева и Неля, услышав сирену, сразу же прибежали домой. Я поспешила вынести из дома большого 11-месячного Юру. Бомбы взрывались где-то в районе вокзала. А дом наш находился совсем близко от него. Стали бомбить и центр города. Самолеты летали низко над городом и наводили ужас на людей, которые прятались, кто как мог, стараясь как-то спастись, защититься. В небольшой яме нашего двора, возле акации, я уложила детей, а сама, распростерла руки, укрывая их от возможных осколков. Малыши от страха дрожали. Будучи от природы трусливой, я почему-то в эти страшные минуты не терялась и думала только о том, как спасти детей. Это придавало мне силы, делало меня выносливее. Я успокаивала их, говорила, что немцы бомбят вокзал далеко от нас, что бомбежка скоро кончится, а с нами ничего не случится. Но между тем бомбы взрывались все ближе и ближе, и все сильнее слышался нарастающий рокот моторов. А когда от снаряда разлетелся соседский дом и осколки стекла и досок вперемежку с камнями и землей как град посыпались на нас, я совсем потеряла надежду на спасение. «Неприменно погибнем», – первое, что мелькнуло в голове.

После очередной передышки фашистские самолеты вновь стали летать над городом, на сей раз совсем близко, казалось бы, специально выбирая наше место для сбрасывания бомб. Во время передышки я заметила, что люди, перепрыгивая через заборы и не выходя на улицу, а прижимаясь к домам, уходили из районов центра и вокзала куда-то подальше. Это, пожалуй, было единственным спасением, но я не могла идти за ними: с детьми быстро не побежишь. Но и оставаться на месте тоже было весьма опасно. Нужно было что-то срочно предпринять. Взяла Юру на руки, а Лева и Нелли сказала, чтобы шли за мной. Пригнувшись к земле, прошли в соседний двор. Там никого не было. Оглядываясь, осторожно вышли на улицу. Куда идти, как найти безопасное место, чтоб уберечь детей?

А самолеты все продолжали низко кружиться над нами. Мне казалось, что вот-вот заметят, как я с детьми съежилась у будки, и начнут стрелять в нас. Затаив дыхание, похолодев от страха, я прижала к себе детей. Потом набралась сил, подняла голову к небу и с облегчением увидела, что самолеты пролетели мимо, а, стало быть, на нас уже бомбы не сбросят. Чуть успокоившись, перебежали к противоположному двору. Там стоял кирпичный дом. Это был дом колхозника, у стен которого лежали женщины и дети. Не успели мы подойти к дому, как вновь послышался взрыв бомб. Я сразу же уложила детей, прикрыла их собой с мыслью, «что бы ни случилось, пусть со всеми сразу». Потом мы перешли во двор этого дома и возле плетня решили переждать бомбежку вместе с другими жителями города, которые там уже находились. Долго мы еще лежали в таком положении, лицом к земле. Ухо резал свист падавших бомб, и каждый раз казалось, что летят она именно на нас. От страха холодный пот тек по лицу, а я съежилась, затаив дыхание. Бомбы свистели казалось беспрерывно. Смерть висела над нами. «Конец, не спасемся», – думала я. Кругом слышался вопль, плач, крики. Наверное, кого-то ранило из лежащих рядом, а может кто-то и погиб. А фашисты все бомбили и бомбили. Не успевали передохнуть от одного налета, как

начинался второй. Лева и Неля от страха съежились у меня под руками, затаив дыхание. Но не плакали. Маленький больной Юра, которому не было еще и года, тоже молчал. Видимое мое напряжение передалось и ему.

От осколков одежда моя разорвалась. Наконец бомбежка прекратилась. Лева, сразу подняв голову, спросил. «Мам, ты жива, можешь говорить. А ну посмотри на меня, я не ранен?» Ему казалось, что когда при взрыве нас засыпало, его возможно ранило. Я успокоила его, и, оставив детей, пошла проверить состояние нашего дома. Все кругом было переверочено.

Во дворе я увидела три воронки от разорвавшихся бомб. Одна из них именно там, где мы наметали построить бомбоубежище. Во время бомбежки стена дома с этой стороны была разрушена, были выбиты двери и окна, пол был покрыт землей, кругом валялись стекла. Осколками была разорвана вся висевшая на вешалке одежда. Я прошла в другую часть двора, где росли фруктовые деревья, и поразились – деревья оголились, как осенью после листопада. По всему двору валялись осколки бомб разной величины.»

Начало

Родилась я, как и многие люди моего поколения, в трудовой семье. Отец работал бухгалтером на предприятии Алавердских медных рудников (это в Армении), а мама с пятью детьми (два сына и три дочери) жили у моей бабушки. В те времена считалось постыдным оставить свекровь и свекра и переехать к мужу по месту его работы. В 1917 г. отец заболел туберкулезом. Он поехал лечиться в Тбилиси, но спасения не было. Тогда эта болезнь считалась неизлечимой. Умер отец зимой 1918г. Через некоторое время умер и мой младший брат. Мама осталась с четырьмя детьми. Старшим был Гурген, ему было тогда 10 лет, а мне, Амалии, 8 лет. Младшим сестрам, Анатолии было 6 лет, а Наталии – 4 года.

1920 год. Я сижу внизу. Сзади, сверху – брат Гурген. Слева от меня мама и дедушка, справа – тетя с мужем

Не успела мама смириться с горем, как армяно-турецкая война 1918 года принесла новые мучения нашей семье. Моя мама, Сатеник, была обучена грамоте у писаря отца. Ей очень хотелось, чтобы дети получили хорошее образование. Мне посчастливилось учиться в приходской школе. А брат получил возможность учиться в русской школе. Но война прервала учебу. В 1919 году мы снова пошли в школу. Гурген продолжил учебу в приходской школе. Когда же в 1920 году возобновились военные действия, и турки начали занимать наше село, большинство жителей, а вместе с ними и мы, вынуждены были бежать. Но и по дороге грабили турки, так что все наши пожитки были отобраны. Нищета, голод и болезни стали повседневными спутниками. Когда же село освободилось, и мы возвратились в родные места, дом наш был полностью разорен. К счастью, расхитителям не удалось найти зерно, запрятанное в двух ямах, что и спасло нас от голодной смерти.

После шестимесячного отсутствия я быстро нашла своих подруг, по которым очень скучала. Они рассказали мне много ужасного из жизни села, свидетелями чему они были. Рассказали, например, как, однажды, опасаясь турок, молодые женщины и девушки спрятались в соседнем доме. Ночью турки постучали в дверь. Хозяин не открыл. Солдаты поднялись на крышу, и начали стрелять через дымовое отверстие, требуя впустить их в дом. Спрятавшаяся там дочь хозяина была убита. Подобных случаев было немало. Многих женщин и девушек обесчестили турки. Сельских парней, попавших в их руки, пытали, затем убивали.

Положение народа в 1920 г. было крайне тяжелым. Нищета, голод, тиф стали массовыми явлениями. Все же осенью того же года сельчане отремонтировали разрушенную школу. Открыли с 1 по 4 классы.

Дети, голодные, в лохмотьях, стали посещать школу, но уже зимой из-за холода невозможно стало учиться, и чтобы согреть холодный класс, дети по возможности сами приносили дрова. Зачастую, в холодном классе приходилось писать замерзшими пальцами. В таких условиях мне все же удалось проучиться до 4-го класса. Впоследствии, открыли семилетнюю школу.

Я была уже взрослой девушкой, мне очень хотелось учиться, но стеснялась с маленькими детьми ходить на уроки. Брат, который учился тогда в Ленинакане (второй по величине город Армении), в сельскохозяйственном техникуме, отвез меня в город и определил на частные курсы кройки и шитья.

После окончания учебы, осенью 1929 года я вернулась домой. В том же году меня выдали замуж за односельчанина Христофора Варажяна (позже Григорян). Я согласилась с этим замужеством. Как и все деревенские дети, мы были знакомы, но никакого особого внимания друг к другу мы не проявляли. Он был на 4 года старше меня, толковый, упорный в учебе. Это привлекало. К тому же хотелось прикоснуться к новой жизни в далекой России, где он находился. К тому времени Христофор уже окончил сельскохозяйственный техникум и отслужил в армии. Он очень хотел лучше освоить русский язык. Чтобы осуществить свое намерение, он попросил, чтобы его направили в Россию работать. Так он очутился во Фролово Сталинградской области, где и устроился на работу агрономом. Одновременно учился заочно в Саратовском сельскохозяйственном институте. Через два года он, когда создал условия для жилья, забрал меня к себе. До этого, как было положено у нас в то время, я жила у родителей Христофора, с которыми жили еще старший брат мужа, Васак, с семьей, женой и тремя детьми, и младший брат, Асканаз.

1929 год. Я (внизу) с подругами из курса кройки и шитья.

Жизнь во Фролово

В первое время в русской среде дни мои проходили очень скучно. Новые соседи, новые люди, а незнание языка мешало общаться с ними. В доме, где мы жили, собирались женщины, разговаривали, смеялись, а мне казалось, что говорят и смеются надо мной. Приходилось тайком записывать армянскими буквами произнесенные ими слова, чтобы потом у Христофора узнавать их значение. Незнание языка сильно беспокоило меня. Из-за этого не могла посещать вечернюю школу, хотя очень хотелось учиться. Желание освоить русский язык было сильным, условия для этого были благоприятными. Так что, со временем все же удалось добиться определенного успеха. Начала читать газеты, детские книги. Не забывала и шитье. Нам дали благоустроенную квартиру в центре города. В первые годы замужества возникла очень тревожная для меня проблема. Почему-то не могла родить ребенка. Меня очень печалила такая, как мне казалось, женская неполноценность. Ходила к врачам, лечилась, следовала их советам, и к огромной радости моей и мужа в 1933 году родила сына, Витю. Мы были счастливы, видя, как растет наш прекрасный малыш. И можно себе представить, каким горем для нас обернулась постигшая его болезнь, менингит, от которой наш годовалый мальчик умер.

Это была трагедия, которую можно преодолеть только лишь новыми жизнями. В 1935 году родился сын Лева, а примерно через два года и дочь Нелли. Христофора за успехи в работе повысили в должности, и назначили начальником РайЗО (Районный земельный отдел). Он пользовался большим уважением в городе и районе. Его знали как трудолюбивого работника, преданного и честного человека. Хотя мое замужество было в какой-то мере навязанным родственниками, жили мы мирно и дружно. Вот только учебу, о которой я так мечтала всю жизнь, пока не удавалось наладить. Правда, в городе действовало несколько вечерних школ, однако я не могла тогда посещать их, несмотря на то, что уже выучилась русскому языку – мешали маленькие дети. Только в 1940 году мне удалось поступить в вечернюю школу. Наконец-то сбылась моя заветная мечта. Чтобы вечерами присмотреть за детьми, я попросила, чтобы мне помогла одинокая женщина Пелагея Мироновна, которая жила у наших соседей. С соседями нас разделяла стена. Алексей Гордеич и его жена Анастасия Алексеевна Рогачевы оказались очень добрыми и скромными людьми, что с первых же дней нас сдружило. Сын их Володя характером пошел в родителей. Был очень умным парнем, отличником учебы. Когда я бывала на занятиях, Мироновна забавляла детей, организовывала игры, рассказывала сказки, укладывала их спать. Она полюбила детей и была им очень предана. Дети отвечали ей тем же. Я была ей крайне благодарна. Как-то, вернувшись домой, я услышала громкий смех. Открыла дверь и увидела, как бабушка Мироновна (так они ее называли) играет с ребятами в жмурки, делает вид, что их не видит и убегает от них. А дети были просто в восторге, когда ловили ее. Это только один пример ее постоянной заботы. Все это успокаивало меня, и давала мне возможность больше уделять внимание учебе. Конечно, учиться было не так-то легко, потому что я, фактически не проучившись в 4-ом классе армянской школы, была вынуждена поступить в 5-ый русской школы, так как в вечерней школе классы были только с 5 по 7-ой. Трудность была и другого плана: знание русского языка было недостаточным, чтобы уметь писать и отвечать на этом языке. Приходилось долгими вечерами, вернувшись со школы, сидеть допоздна над письменными заданиями, а днем параллельно с домашней работой готовила устные ответы. Когда стирала или готовила обед, книга была всегда со мной, и тогда удавалось урывками что-либо прочесть. Надежным помощником дома был Христофор. Он помогал понять историю, решить задачу или пример. Так было в первые месяцы. Постепенно я освоилась в учебе, стала самостоятельно готовить уроки. Моя настойчивость и трудолюбие дали положительные результаты. Через несколько месяцев учителя признали меня первой ученицей, и часто приводили в пример. Рассказывали, с чего я начала, и каких успехов добилась. Однажды, придя в школу

после зимних каникул, мы разговаривали с женщинами в коридоре, и одна из них сказала: «Вы видели на Красной доске Григорян Амалию?» Я решила, что она пошутила. Стараясь выглядеть безразличной, когда в коридоре никого не было, тихонько подошла к доске. Смотрю, действительно, там красуется моя фамилия. Прочла, обрадовалась, и веселая, с хорошим настроением пошла домой. А тут еще соседский мальчик Володя принес районную газету и сказал, что в газете написано обо мне. Как выяснилось, директор нашей школы, учитель истории, написал статью об успеваемости школы и в качестве примера привел меня, как нерусскую, но отличницу учебы. Поначалу Христофор сомневался, смогу ли я учиться, но потом, убедившись, что дети не оставались без присмотра, а я в школе преуспеваю, обрадовался, и старался как можно больше помогать мне в хозяйстве. Благодаря этому я успешно сдала экзамены 5-го класса. Начальные трудности были позади, казалось, что продолжить столь желанную мне учебу будет легче.

За 10 лет во Фролово у нас образовался большой круг знакомых и друзей. У наших соседей, Рогачевых, в доме не было маленьких детей. Они полюбили Леву и Нелю, играли с ними в детские игры, забавлялись с ними. Жизнь во Фролово протекала беззаботно. Весело проводили время. В дни праздников собирались по очереди то у одного, то у другого знакомого. Вечерами выходили в город погулять или шли в сад, в кино. Мы были молоды, и проводили время, как нам хотелось, непринужденно довольствуясь малыми и большими радостями жизни. Только тоска по родным все глубже проникала в душу. Думали взять отпуск и поехать в Армению. Но это желание в то время не удалось осуществить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.